

2. *Зинченко В.П.* От генезиса ощущений к образу мира // А.Н. Леонтьев и современная психология. М.: Изд-во МГУ, 1983.
3. *Леонтьев Д.А.* Субъективная семантика и смыслообразование // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1990. № 3. С. 18–26.
4. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Полит. литература, 1991.
5. *Мамардашвили М.* Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.
6. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М.: Изд-во МГУ, 1988.
7. *Петровский В.А.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 42–56.
8. *Петухов В.В.* Воображение и познание // Модели мира. М., 1997.
9. *Поспелов Д.А.* Серые и/или черно-белые? // Прикладная эргономика. 1994. № 1. С. 29–33.
10. *Пропт В.Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976.
11. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко и др. М.: Педагогика-Пресс, 1997.
12. *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.
13. *Чудова Н.В.* Влияние личностных характеристик субъекта на его представления об идеальном партнере // Психол. журн. 1993. Т. 14. № 3. С. 28–38.
14. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.

MYTHOLOGICAL COMPONENT OF SELF-IMAGE

N. V. Chudova

Cand. sci. (psychology), sen. res. ass., Institute of program systems, Pereslavl-Zalessky

Influence of mythological component of self-image on attribution of personality characteristics in the process of interpersonal evaluation and self-perception was studied. Relation between the mythological identification and such parameters of reality representation as cognitive complexity of interpersonal evaluation, using objective and metaphorical scales, model of interpersonal judgment was revealed.

Key words: models of the world, self-image, myth, semantic space.

СОЦИАЛЬНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В РОССИИ

© 1999 г. И. Г. Дубов*, Т. Б. Затылкина**

* Канд. психол. наук, зав. лабораторией социально-психологических проблем сознания,
Психологический институт РАО

** Мл. научный сотрудник того же ин-та

Рассматриваются итоги дискуссии о статусе российской общенациональной идеи и основных требованиях к ней; подчеркивается необходимость психологической интерпретации социологических опросов, проясняющей специфику отношения граждан России к различным ее вариантам. Приводятся результаты репрезентативного всероссийского опроса 1600 человек из 31 субъекта Российской Федерации. Представленный список содержал 19 формулировок наиболее часто употребляемых в СМИ общенациональных идей. Дается психологическая интерпретация выявленных в опросе предпочтений респондентов. Сформулированы три условия превращения высказываемых идей в общенациональную идею, принимаемую массовым сознанием и побуждающую к совместной деятельности.

Ключевые слова: общественное мнение, общенациональная идея, мотивация, совместная деятельность, массовое сознание, социальное влияние, ментальность.

Дискуссия о гипотетической национальной идее, которая могла бы объединить население страны, носит преимущественно публицистический характер, поскольку первыми в нее включились публицисты и представители тех областей гуманитарной науки, которые в наименьшей степени связаны с получением и переработкой материалов, имеющих статистическую достоверность.

Авторы публикаций предложили достаточно много вариантов идеи, которые, по их мнению, могли бы стать объединяющими для вариантов идеи, которые, по их мнению, могли бы стать объединяющими для большинства населения России, связывая их с такими абсолютно разными понятиями, как патриотизм, федерализм, духовность, православие, национальное самосознание, гражданское общество, экономическое развитие, личностное совершенствование, социалистические идеалы, государственное строительство, монархизм и многое другое.

Основа такого положения дел очевидна. Не умаляя важности общегуманитарного анализа, следует все же отметить, что при решении подобных задач спекулятивная методология часто заводит в тупик, поскольку мнений по обсуждаемым вопросам возникает, как правило, ровно столько, сколько имеется участников дискуссии.

С целью найти более строгие критерии оценки высказываемых предложений, группа консультантов при администрации Президента Российской Федерации сформулировала 13 требований к национальной идее, основными из которых являются следующие: она должна определять новое

движение в контексте пройденного пути, выражать философию жизни большинства граждан, иметь духовно-нравственный характер, выявлять цель реформ, определять структуру будущего общества, задавать конкретные цели развития нации, раскрывать пути достижения экономического процветания и т.д. [18].

Нельзя сказать, что данные пожелания в научном плане выражены достаточно четко. Наличие такого числа критериев не только технически усложняет оценку высказанных предложений, но и не позволяет вычленивать из второстепенного то главное, без чего национальная идея не может стать системообразующим элементом массового сознания. Чтобы разобраться в этом вопросе, представляется целесообразным распределить высказанные в ходе дискуссии предложения в три условно выделенных подхода к определению российской общенациональной идеи.

Первый из них заключался в том, что часть авторов решила непосредственно обратиться к научному наследию русских философов конца прошлого и начала нынешнего веков. Двигаясь от формулы Уварова "Православие. Самодержавие. Народность" и размышлений Достоевского о судьбах России, ученые того времени пришли к выводу о том, что русская идея определяется скорее как "Православие. Соборность. Общинность". Данная триада была дополнена общепсихологическими рассуждениями о мессианстве, жертвенности, мистицизме, нестяжательстве, предрасположенности к авторитарному правлению и некоторых других

характеристиках, свойственных, по их мнению, русскому народу [20].

Выдвинутые в рамках этого подхода предложения основывались на каноническом отношении к указанным работам русских философов и заключались в наивной попытке приспособить сделанные сто лет назад выводы к нынешней ситуации в России (см., напр., [1, 25]). При этом тройственная формулировка национальной идеи настолько заворочила современных авторов лаконичностью формы, что многие из них также посчитали необходимым облечь свои предложения в набор, состоящий из трех абстрактных понятий (напр., [4, 5, 19]).

Однако прямая апелляция к предтечам оказалась, в конечном счете, недостаточно продуктивной, поскольку изменившаяся ситуация предъявляет сегодня иные требования к самой сути национальной идеи.

Анализируя особенности восприятия и оценивания русскими существующей действительности, специфику устоявшихся образцов их поведения и общения, мыслители конца XIX—начала XX вв. (Н. Бердяев, Вяч. Иванов, А. Лосев, Н. Лосский, Вл. Соловьев и др.) пытались понять некую самость русского народа, которая принципиально отличает его от других наций, и которую он предъявляет миру, внося тем самым вклад в мировую цивилизацию. Иными словами, предмет их исследования был русский национальный характер, стереотипизированные черты которого являются генерализованным описанием специфики разноплановой активности представителей данного народа, проявляющейся в самых различных ситуациях.

Решение данного вопроса представлялось в то время исключительно важным для самоопределения нации. Однако в настоящее время перед аналитиками и идеологами стоит другая задача. Сто лет назад осмыслению подвергались сложившиеся черты национального характера, то общее, что к тому времени было уже имманентно присуще русскому народу, делая его единым целым, существенно отличающимся от других. Сегодня же требуется понять, что именно могло бы остановить разброд и шатания, охватившие население России, на какой основе могли бы сплотиться различные нации и народности, а, главное, разные возрастные, социальные и территориальные группы, составляющие население распадающейся державы; какие конкретные идеи способны увлечь большую часть граждан и подвигнуть к жизненно важному для самого существования государства выполнению **общих, объединяющих** россиян задач.

Решение этой проблемы, безусловно, волновало всех затрагивающих данную тему авторов. Но обращение к истокам сместило акценты поиска,

уведя ученых в сторону от проблемы стимуляции целенаправленной активности россиян. Во многом не учитывались и фундаментальные изменения в психологии такого суперэтнуса, как бывший советский народ.

Второй подход оказался более свободным, чем первый, от классических канонов; придерживающихся его авторов мало интересовало соответствие их предложений наработкам дореволюционных ученых. В своих поисках они ориентировались в первую очередь на существо задачи, поставленной Президентом. Авторы понимали, что руководство страны интересуется то общее для всех россиян, что, будучи приемлемым и убедительным для широких слоев населения, могло бы использоваться в информационной политике властей вместо запрещенной Конституцией государственной идеологии.

В этой связи следует отметить разработки сектора междисциплинарных исследований общественного сознания Института философии РАН, в которых критерии создания общенациональной идеи несколько отличаются от приведенных выше. Согласно разработчикам, национальная идея должна быть интегрирующей (т.е. гасящей все формы противостояний и укореняющей ценности, общие для всех граждан), мобилизирующей (т.е. снимающей социальную апатию и стимулирующей созидательную активность) и преобразующей (т.е. обосновывающей происходящие изменения и ориентирующей на перспективу).

Именно данные критерии пытались учесть те, кто осмысливал суть общенациональной идеи в рамках второго подхода. С самого начала эти исследователи ушли от анализа специфических свойств загадочной российской души. Их больше интересовало не столько то "новое слово, которое этот народ скажет человечеству" (Соловьев), сколько то слово, которое надо сказать народу и которое он сам признает квинтэссенцией своих коренных интересов. Содержание этого слова могло, конечно, заинтересовать окружающий мир, но сторонники указанного подхода понимали, что не удивление представителей этого мира следует считать в данном случае критерием оценивания удачности их замысла, а пользу, которую могла получить от его реализации сама Россия.

Проблема, с их точки зрения, заключалась в том, что многие граждане либо в силу специфики полученного ими образования, либо благодаря доминирующим **стереотипам** сознания, либо **из-за узкогрупповых взглядов** на жизнь зачастую не разделяют точку зрения специалистов, предлагающих конкретные пути вывода России из кризиса. И в этой связи авторы второго подхода пытались вычленили такие идеологемы и установки, которые, нося ценностный характер, принимались бы и разделялись большинством россиян.

Подобный подход позволял гораздо теснее приблизиться к пониманию того, что на самом деле следует считать национальной идеей. По своей сути, национальная или, применительно к суперэтносу, общенациональная идея больше всего нуждается нация. И с этой точки зрения самой важной мыслью для России сегодняшней должна считаться идея, которая не даст ей распасться.

Сделанные в рамках этого подхода предложения включали широкий спектр социальных феноменов. Здесь было все: современные общественные проблемы и противоречия, высшие идеалы и вечные ценности, декларативные призывы и политические обещания, цели общественного развития, ориентиры экономического роста и перспективы государственного строительства.

Правда, часть авторов, выступающих в рамках второго подхода, ограничилась лишь общими замечаниями на тему о том, что должно стать основой национальной идеи и каким содержанием она должна быть наполнена [3, 10, 22].

В то же время рядом авторов были предприняты попытки определения таких конкретных политико-экономических и социальных установок, которые могли бы разделяться абсолютным большинством россиян [6, 15, 16].

Понятно, что власть чувствовала себя кровно заинтересованной в том, чтобы узнать это всем известное и всеми одобряемое слово, с помощью которого можно было бы уверенно оправдывать перед народом предпринимаемые ею шаги и объяснять необходимость предлагаемых инноваций, надеясь, что такое объяснение побудит граждан поддержать действия властных структур. Однако этим надеждам не суждено было сбыться.

Авторов, выбравших данную парадигму решения проблемы, подвела именно максимализация постановки задачи, которая выразилась в попытке найти идеи, близкие большинству населения России. Может быть, с точки зрения исследователей, общественно-политические и политико-экономические позиции, разделяемые большинством сограждан, и должны были служить достаточным основанием для стимулирования широких народных масс на великие дела. Но чем более общепринятой оказывалась предложенная идея, тем меньше она выглядела способной реально увлечь за собой людей.

Происходящее легче понять, если обратиться к лонгитюдному исследованию в Институте социологического анализа, первый срез которого был проведен в мае 1996 года [12]. Как следует из опубликованных материалов, авторы заложили в анкету две группы высказываний. Одна из них содержала девять идей, дифференцирующих общество и являющихся квинтэссенцией взглядов

представителей одной из основных политических ниш (напр., "Россия должна быть государством русского народа" или "Россия должна вернуться к социалистическому строю"). Все эти высказывания собрали под свои знамена от 10 до 40% опрошенных. Вторая группа включала, согласно терминологии авторов, некоторые общие принципы, семь из которых собрали от 67 до 98% голосов опрошенных (напр., "Жизнь человека выше любых других ценностей", "Главные права человека – право на жизнь и право на защиту чести и достоинства личности", "Свобода нужна россиянам не меньше, чем людям на Западе" и т.д.).

Самих авторов, судя по публикации, больше интересовала психология сторонников каждой из идей. Однако гораздо более важным представляется углубленный мотивационный анализ степени поддержки респондентами различных идей и принципов, заложенных в анкету. Как следует из приведенных результатов, именно побуждающие к общественной и политической активности позиции собирают в среднем не более трети голосов, а абсолютное большинство получают позиции, которые в современной ситуации вряд ли могут являться для жителей РФ мотивом для активных действий.

Такое положение дел с разделяемыми всеми идеями абсолютно понятно. Как было показано в других исследованиях, если такие идеи и такие ценности, с точки зрения респондентов, уже реализованы (а они практически всегда реализованы, если их разделяют все), мотивация их достижения резко снижается [14]. Вряд ли кто-то станет спорить с тем, что "свобода нужна россиянам не меньше, чем людям на Западе", но трудно представить себе, что в нынешней ситуации, когда индивидуальная свобода граждан реализована с буквально беспредельной степенью полноты, эта идея способна объединить для совместной деятельности безработных бомжей и преуспевающих бизнесменов, крестьян из загнивающих деревень и горожан из многомиллионных мегаполисов, сепаратистски настроенных жителей окраинных национальных республик и державников-москвичей, сторонников ДВР и членов КПРФ, адептов соперничающих конфессий, представителей враждующих этнических групп и пр. Точно также все согласится с тем, что государство обязано добиваться повышения общественного благосостояния, или что в основе государственной системы должно лежать народовластие. Но это согласие, к сожалению, не способно побудить россиян направить их объединенную энергию на достижение указанных целей.

Люди могут сходно относиться к разным сторонам действительности и высказывать единое мнение по каким-то вопросам бытия, но эти мнения, отношения и оценки, являясь сами по себе ос-

новой принятия жизненно важных решений, тем не менее, не становятся основой объединения противников, занимающих противоположные позиции в других, менее значимых по большому счету, но гораздо более важных для реальной жизни вопросах. Иными словами, многое из того, с чем все (или почти все) сегодня согласны, не может примирить противоборствующие большие группы населения хотя бы потому, что конфронтация возникла на другой основе и продолжает развиваться, несмотря на согласие граждан по данным вопросам. Этим и детерминируется необходимость комплементарной (основанной на принципе дополнительности) психологической интерпретации результатов социологических исследований, без которой невозможно правильное понимание массовых настроений и стратегий поведения больших социальных групп.

Именно вопросом реальной мотивации, побуждающей к реализации общенациональной идеи, и задались авторы, условно объединяемые в рамках *третьего* подхода. Они понимали: для того, чтобы уберечь державу от окончательного распада, надо добиться роста сплоченности ее граждан. Сплочение же людей происходит, как правило, в совместной деятельности, а она должна чем-то побуждаться. Безусловно, любая идея могла рассматриваться ими в качестве внешнего стимула, но чтобы люди начали действовать, такой стимул должен стать внутренним мотивом. По существу, их тоже интересовало то "слово", которое нужно сказать народу, но слово это должно было непременно стучать в сердца. В этом смысле слово нужно трактовать не только как носителя информации или аналог оценочного суждения, а как побуждение к действию ("В начале было слово").

Понимание необходимости внутренней мотивации совместной деятельности является исключительно важным условием для дальнейшего анализа результатов опросов общественного мнения. В печати появлялись публикации, авторам которых казалось, что стоит только предложить народу совместное выполнение какой-либо общественно-полезной задачи и он непременно сплотится сам собой на пути к указанной цели. На самом деле это не так. Искусственно навязанные идеи, а тем более навязанная совместная деятельность, не могут быть эффективным инструментом реального сплочения людей. Галерные рабы практически никогда не оставались *вместе* после освобождения. В лучшем случае какая-нибудь сдружившаяся пара решала попытаться счастья вдвоем. Еще быстрее, чем малые группы, будут в подобных случаях распадаться большие человеческие общности. Поэтому представляется необходимым определить в качестве основных критериев жизнеспособности общенациональной идеи два абсолютно необходимых условия: с одной стороны, эта идея должна быть достаточно мас-

штабной, чтобы мотивировать к совместной деятельности большие массы людей; с другой, — должна существовать внутренняя потребность людей в подобной сплачивающей их идее, способная обеспечить интериоризацию идеи и превращение ее во внутреннюю мотивацию.

В условиях агрессии извне таким условиям полностью удовлетворяет борьба с внешним врагом. Вопрос заключается в том, что может являться общенациональной идеей в мирной ситуации.

Реализация третьего подхода позволила в ходе дискуссии внести на этот счет много интересных предложений. Среди таких идей — опора на собственные силы [9], государственное самоопределение русского народа [24], подготовка молодого поколения к современной жизни, т.е. "борьбе за место под солнцем" [13], возвращение утраченных территорий, евразийство [1, 2], интенсивное освоение западного образа жизни [11], очищение коммунистической идеи или социалистический ренессанс [8, 23] и др.

Однако, практически все из указанных предложений, мотивируя к созидательной деятельности (будь то строительство городов или государственное строительство) какую-то часть населения РФ, очевидно, не удовлетворяют другую часть. Несомненно, каждый из авторов, творивших в русле третьего подхода, в процессе размышлений минимизировал эту вторую часть, но она есть и представляется непредубежденному взгляду не такой уж маленькой. Этот этап анализа оказывается, как правило, критическим для судьбы идеи, поскольку автор ее не может убедить экспертов, что нашел панацею от всех бед, а эксперты не способны доказательно объяснить, почему данная идея не может, с их точки зрения, претендовать на звание общенациональной.

Безусловно, ученые, мыслившие в парадигме третьего подхода и отчетливо осознававшие, что общенациональная идея не может явиться народу как плод размышлений чистого разума аналитиков, искренне хотели понять, каков взгляд на эту проблему непосредственно широких масс. Необходимость такого понимания была обусловлена тем, что от населения России, согласно исходной позиции авторов, требовалось не только согласие с высказанными идеями, но и реальная деятельность по воплощению их в жизнь.

Эти авторы принципиально расходились с мнением Вл. Соловьева о порочности опоры в ходе анализа на общественное мнение и необходимости обращения к религии¹. Именно из общественного мнения черпали они свои идеи и общест-

¹ "Чтобы решить этот вопрос мы не обратились к общественному мнению сегодняшнего дня, что поставило бы нас в опасность быть разочарованными событиями последующего дня. Мы поищем ответа в вечных истинах религии" [18, стр. 186–187].

венным же мнением собирались проверять свои гипотезы. Правда, к настоящему общественному мнению никто из них так и не обратился, поскольку авторы сами не владели необходимыми научными методами сбора информации, а прочитав о проведенных исследованиях идейного обеспечения массовой активности постсоветского населения России нигде не могли по причине отсутствия последних. Вместо этого индикатором общественного мнения им служила, в первом случае, собственная интуиция, а во втором – реакция знакомых и близких, что, в принципе, ничуть не лучше, чем пресса, критикуемая Соловьевым в качестве источника общественного мнения.

Вероятно, сдвинуться с мертвой точки можно было бы в том случае, если бы заинтересованные стороны решили прекратить схоластически спорить о том, сколько зубов у лошади, и попытались их пересчитать. Однако именно этого философы, политологи и журналисты как раз и не могли, поскольку отсутствие опубликованных результатов опросов общественного мнения заставляло их опираться исключительно на экспертные оценки. В распоряжении представителей этих наук не было методов достоверного изучения реального содержания массового сознания, которыми располагают социальные психологи и социологи. Между тем, представители двух последних эмпирических профессий предпочитали отмалчиваться, держась подальше от ведущейся дискуссии.

По существу, национальная идея является максимальным обобщением разделяемых массовым сознанием установок, существующих в основных сферах социальной жизнедеятельности индивидов – политике и экономике. Несмотря на то, что научная база изучения социальных установок была создана достаточно давно (см., напр., [26, 30, 32]), интерес к механизмам их порождения и функционирования не угасает и по сегодняшний день. Проводившиеся в последнее время исследования охватывали достаточно широкий спектр социальных установок, включая сексуальные [29], религиозные [27], покупательские [31], электоральные [28] и связанные с охраной собственного здоровья [33] установки.

Вместе с тем, глобальные установки, являющиеся важнейшими составляющими менталитета представителей конкретного этноса и близкие по уровню обобщения человеческим представлениям о смысле жизни, изучались весьма слабо. О важном месте таких глобальных установок в детерминации социальной активности больших групп населения и этноса в целом много писалось в различных, носящих методологический характер, трудах отечественных психологов и социологов (см., напр., [7, 14, 17, 21]). Однако психологами и социологами не было проведено практически ни

одного доступного широкой аудитории² эмпирического исследования такой важной генерализованной установки, какой является (в случае своего существования) национальная идея.

Исключение составило лишь упомянутое исследование Института социологического анализа, проведенное на всероссийской выборке в 1519 человек [12], впервые показавшее действительное отношение широких масс населения к различным вариантам национальной идеи. В результате проведения данного опроса многочисленные аналитики получили точку опоры для своих рассуждений. Кроме того, авторам, благодаря ответам респондентов на самые разнообразные вопросы анкеты – среди которых был и вопрос об основных ценностях, и вопрос о личностных качествах, необходимых для достижения успеха, и оценка постсоветского периода, – удалось составить психологические портреты приверженцев различных идей.

Слабым местом данного исследования явилась некорректность постановки некоторых вопросов, снижающая ценность проделанной работы. Так, например, представляется очевидным, что такое эмоционально нагруженное и негативно маркированное слово, как “империя”, должно резко снижать количество выявленных в исследовании респондентов, обладающих “имперской” психологией, а объединение в одном вопросе представлений о России как государстве с рыночной экономикой и как государстве, соблюдающем права человека, безусловно резко повышает число людей, которых можно отнести к рыночникам западной ориентации.

В этой связи была предпринята попытка оценить отношение населения России к несколько отличающемуся ряду идей, реализованная в декабре 1998 года в ходе всероссийского опроса, репрезентативного половозрастной и образовательной структуре совершеннолетнего городского и сельского населения РФ, проведенного авторами данной статьи на базе ВЦИОМ³. Трехступенчатая случайная выборка состояла из 1600 человек, представляющих 31 субъект Российской Федерации во всех пяти макрорегионах РФ. Полученные данные перевешивались по ряду неkvотирован-

² Данный вывод сделан на основе контент-анализа публикаций в “Социологических исследованиях”, “Политических исследованиях”, “Вопросах социологии”, “Психологическом журнале”, “Социологическом журнале”, “Вопросах психологии”, “Власти”, “Социально-политическом журнале”, “Общественных науках и современности” и других изданиях.

³ Авторы выражают благодарность заместителю директора ВЦИОМ А.И. Гражданкину, реализовавшему полевой этап исследования, и старшему научному сотруднику Психологического института РАО Л.М. Смирнову, обеспечившему тематическую обработку полученных результатов.

ных параметров, в том числе и по итогам голосования граждан на президентских выборах 1996 года.

Целью данного исследования являлось не столько изучение механизмов внедрения каких-либо идей в сознание масс, сколько *их представленность* в обыденном общественном сознании. Методически наиболее сложным оказался вопрос о том, как в массовом опросе максимально приблизиться к выявлению реального уровня социальной мотивации, побуждающей массы людей к действиям по реализации конкретной идеи. Представлялось очевидным, что лобовые вопросы – “Согласны ли Вы с этими утверждениями?” или “Готовы ли Вы действовать совместно с другими людьми для реализации этих целей?” – выявляли не только тех, кого предложенные утверждения побуждали действовать, но и тех, кто, будучи целиком согласен с какими-либо утверждениями, делать что-либо для реализации данных идей вовсе не собирался. Кроме того, согласие с идеей могло в ряде случаев обуславливаться желанием опрошенных соответствовать существующим нормативным ожиданиям и не выявлять их истинной позиции.

Поэтому в ходе опроса респондентов просили выбрать из списка не те идеи, которые устраивают, воодушевляют или побуждают действовать их лично, а лишь те, “которые в первую очередь могли бы объединить и сплотить россиян”. Постановка вопроса, при которой 1600 респондентов фактически выступили экспертами по позиции сограждан, представлялась более перспективной, чем лобовой вопрос. Она позволяла элиминировать в ответах респондентов ту часть, которая отражала бы согласие с безусловно разделяемыми, но не мотивирующими к сплочению и совместной деятельности ценностями. Кроме того, степень принятия включенных в список идей не искажалась необходимостью следовать в ответах каким-либо конвенциональным нормам, как, например, должно было происходить при оценке идеи о приоритете духовного над материальным и в ряде других случаев.

В связи с отсутствием достоверной информации о мотивационном потенциале каждой из обсуждающихся идей и невозможности составления списка по данному критерию, были отобраны идеи, наиболее часто обсуждаемые в печати в качестве претендующих на статус общенациональных и выражающие ценности всех основных политических ниш России. Набор идей должен был также обязательно охватывать оба полюса таких дихотомий, как “государство и общество”, “религия и идеология”, “культура и экономика”.

При подготовке списка было сформулировано по три варианта каждой идеи, из которых экспертным путем (в качестве экспертов выступали политологи и журналисты) отобраны высказыва-

ния, с одной стороны, наиболее точно передающие суть идеи, а с другой, легко воспринимаемые респондентами. Все высказывания формулировались приблизительно на одном уровне обобщения в виде общественно приемлемого призыва к конкретной деятельности.

Конечный список состоял из 19 высказываний:

Сделать Россию “мостом” между Западом и Востоком, всем миром и странами СНГ (как основу для объединения и сплочения россиян это высказывание выбрали 7.7% опрошенных).

Увеличить влияние традиционных религиозных ценностей на жизнь общества (7.8%).

Стремиться прежде всего к духовному развитию, а не к накоплению материальных благ (18.0%).

Создать единый народ, в котором объединятся все национальности России (28.3%).

Возродить и освободить от искажений коммунистическую идею (12.3%).

Возрождать и оберегать самобытность России (19.8%).

Сосредоточиться на внутренних делах России, а не состязаться с другими странами (33.0%).

Добиваться неукоснительного соблюдения законов (39.4%).

Вернуть России лидирующие позиции на мировой арене (22.4%).

Обеспечить соблюдение справедливости и прав человека (33.3%).

Превратить Россию в технологически высокоразвитую страну (25.7%).

Воспитать новое поколение, способное добиваться успехов в современном мире (21.7%).

Вступить в союз с исламским миром (1.1%).

Принять западный путь развития общества и экономики (3.5%).

Восстановить монархию (1.2%).

Восстановить прежние территориальные границы (10.2%).

Установить твердую власть, способную обеспечить порядок в стране (33.0%).

Создать благоприятные условия для развития всех народов России (15.1%).

Создать демократическое общество, гарантирующее права и свободы каждой личности (21.1%).

Понятно, что сами по себе данные высказывания не выражали в полной мере весь семантический объем стоящих за ними общенациональных идей. При составлении вопросника подразумевалось, что за каждым из них стоит перечень мероприятий, связанных с реализацией данного лозунга в различных сферах общественно-политичес-

кой жизни государства. Предполагалось также, что формулировка вопроса безусловно обеспечит аналогичное понимание респондентами скрытой семантики высказывания, поднимающей его с уровня политического призыва на уровень общенациональной идеи.

В отличие от исследования Института социологического анализа, в котором респонденты могли назвать не более трех идей, в данном исследовании число выбираемых респондентами идей не ограничивалось. Такой порядок позволял достаточно точно определить степень востребованности каждой идеи обществом, включая и полную невостребованность некоторых из них.

С целью снижения эффекта влияния места высказывания в ответах респондентов, список высказываний был разделен на три части, которые последовательно менялись местами, составляя иную последовательность для каждой трети опрашиваемых.

В результате 7.6% опрошенных затруднились ответить на вопрос о сплачивающей силе включенных в список идей. Остальные 92.4% распределились следующим образом.

Наименьшее количество голосов собрали идеи **вступления России в союз с исламским миром** (1.1% опрошенных) и **восстановления в ней монархии** (1.2%). Что касается второй идеи, ее отторжение вполне понятно. Наследственное и пожизненное руководство страной вряд ли может увлечь граждан, хорошо знающих, что даже всенародно избираемые лидеры могут осуществлять его неэффективно. Единственной защитой от вполне возможных в этом плане ошибок является возможность демократической смены руководителя государства. Безусловно понимая низкую эффективность существующей в России демократии, респонденты тем не менее решительно отвергли идею несменяемого руководства государством.

Что же касается первой идеи, связанной с ориентацией России на исламский мир, то в общем-то понятно, почему она не увлекла, с одной стороны, атеистически настроенное, а с другой, выросшее в культурном поле христианства большинство жителей России. Неожиданно то, что эта идея не показала перспективной жителям регионов с высоким процентом мусульманского населения. Так, из опрошенных жителей Адыгеи, Башкортостана, Карачаево-Черкессии, Татарстана и Чувашии, составляющих 12.3% выборки, эту идею поддержали в качестве общенациональной всего 0.7% опрошенных. Даже в наиболее исламизированном Татарстане ее оценили как способствующую сплочению россиян всего 3.3% опрошенных. Таким образом, не только представители регионов с православной традицией, но и жители республик, в которых преобладает мусульманство,

считают, что эта идея не может сегодня служить основой сплочения россиян.

Еще более странным выглядит неприятие опрошенными идеей о **следовании западным путем развития общества и экономики в качестве общенациональной задачи** (3.5%). Станным это выглядит потому, что идеи демократического устройства общества, соблюдения прав человека и ускоренного технологического развития, связывающиеся в публицистике прежде всего с западной традицией, получили в проведенном опросе достаточно высокий процент голосов. В итоге сложилась парадоксальная ситуация: огромное число жителей России, веря, что следование конечным целям западного общества поможет сплочению россиян, не видит необходимости следовать "западным путем". Этот результат в общем-то совпадает с данными опроса, проведенного Институтом социологического анализа, согласно которому только 27% от общего числа "демократов-западников" (как обозначили их убеждения авторы) хотели бы принять путь, избранный западными странами, в то время как 47% членов этой группы считают, что Россия должна идти самобытным путем.

Объяснений этому феномену может быть несколько. Во-первых, не исключено, что респонденты, недостаточно глубоко вдаваясь в существо термина, реагировали на словосочетание "западный путь" в полном соответствии с негативной оценкой всего западного, внедренной в их сознание в процессе коммунистического воспитания и образования. Однако это вывод представляется слабо обоснованным, поскольку идея была отвергнута не только жителями глубинки или пожилыми и малообразованными людьми, но и молодыми, образованными, живущими в больших городах респондентами; они, как правило, хорошо понимали, кто раньше других поставил перед собой указанные выше цели и, соответственно, дальше других продвинулся в их реализации.

Во-вторых, часть респондентов могла вполне осознанно не отождествлять западный путь развития с демократией, соблюдением прав личности и технологическим прогрессом (или считать, что это далеко не главные параметры, характеризующие западный путь), а воспринимать евроамериканскую цивилизацию как носителя культуры, поощряющей индивидуализм, допускающей эксплуатацию человека человеком, провозглашающей культ насилия и угрожающей за счет постоянной экономической и военной экспансии свободе и независимости других стран. Не исключено, что подобное понимание западного пути основательно подкреплялось происходящим в последние годы в нашей стране затяжным кризисом, вызванным проведением западно-ориентированных экономических реформ, а также агрессивным

поведением стран, объединенных в блок НАТО. В этой связи одобрение в качестве национальной идеи соблюдения прав человека, создания демократического общества и т.д. не мешало респондентам считать, что западный путь развития порочен и его не следует принимать за образец для россиян.

Однако наиболее вероятным представляется третье объяснение зафиксированного мнения. Скорее всего, респонденты, правильно понимая сущность западного пути развития, преувеличивают число людей либо не желающих реализации указанных ценностей в России, либо по-другому, не так, как сами опрошенные, оценивающих содержание западного пути. Респондентам могло казаться: количество тех, кто не хочет ориентироваться на Запад, а желает либо реставрации советского образа жизни, либо восточно-ориентированного пути развития, в России так велико, что выдвижение подобной национальной идеи в общегосударственной пропаганде не только не даст положительного эффекта, а, наоборот, расколется общество и приведет к конфронтации среди пока еще как-то уживающихся вместе различных слоев и групп населения.

Еще одно высказывание, касающееся внешнеполитической ориентации России и предлагающее **сделать Россию связующим звеном между Западом и Востоком**, также не вызвало энтузиазма респондентов: в качестве общенациональной идеи его одобрили лишь 7.7% опрошенных. Такому негативистскому отношению к взаимодействию России и с Западом, и с Востоком, есть два объяснения, вытекающие непосредственно из результатов исследования.

С одной стороны, жители России могли при выкинуть к мысли о лидирующей роли своего государства в мире и в этой связи полагать, что их сограждан не может вдохновить такая второсортная позиция, в которой Россия либо подражает кому-то, либо выполняет посреднические функции. Возможно именно поэтому 22.4% опрошенных считают, что россиян могла бы объединить **борьба за возвращение России лидирующих позиций на мировой арене**. Не исключено также, что из этих же соображений 21.7% опрошенных поддержали идею **воспитания нового поколения, способного добиваться успехов в современном мире**, 25.7% идею **превращения России в технологически высокоразвитую страну**.

С другой стороны, многие россияне, устав от бесплодной гонки за Западом, могли прийти к выводу, что России легче избобрести свой собственный, уникальный путь, нежели **следовать хоть и проверенным, но чужим. Похоже, что именно эта установка побудила 33.0% опрошенных поддержать в качестве общенациональной идеи автаркическую идеологию ухода россиян от состяза-**

ния с другими странами и сосредоточения на своих внутренних делах и 19.8% – призыв к возрождению и обереганию самобытности России.

Не показался респондентам удачным и призыв к **усилению влияния религиозных ценностей на жизнь общества**. Нет сомнения, что абсолютное большинство россиян, по крайней мере на словах, разделяет высшие христианские ценности. Однако, судя по всему, за годы атеистической советской власти процесс отделения христианской морали и этики от религии как веры в Бога в России зашел слишком далеко. Поэтому, хотя **приоритет духовного развития над материальными благами** поддерживают в качестве основы для сплочения россиян 18.0% опрошенных, а **соблюдение справедливости и прав человека** – 33.3%, как только речь заходит о внедрении религиозных норм в светскую жизнь, число убежденных в возможность сплочения на этой основе резко падает до 7.8%.

Относительно небольшую поддержку получил призыв **восстановить прежние территориальные границы** (10.2%) и предложение **возродить коммунистическую идею** (12.3%). Проведенный опрос показывает, что прошлое умерло настолько, что вряд ли сможет сейчас вдохновить кого-то на активные действия. Не исключено, что в новейшей истории России еще найдется место для очередного витка территориальной экспансии и нового обращения к общинно-коллективистским корням русской души. Но пока что, по мнению респондентов, общество слишком травмировано пережитым, чтобы подобные идеи могли увлечь большое число россиян.

Не восприняли респонденты как особенно интересную и идею о **создании благоприятных условий для развития всех народов России** (15.1%). В то же время призыв **добиться межнациональной интеграции путем создания единого народа** поддержали в качестве способной сплотить россиян идеи 28.3% опрошенных. На первый взгляд, такой результат свидетельствует о доминировании в обществе шовинистических настроений, при которых предпочтение отдается национальной унификации, а не всестороннему развитию всех этнических групп. Однако вряд ли в ответах опрашиваемых заложено ощущение неравноценности народов, населяющих Россию. Скорее всего, первая формулировка оказалась созвучна усиливающимся в настоящее время в стране центробежным, сепаратистским тенденциям, и в силу этого воспринималась как обладающая меньшим **интегративным (а скорее – большим дезинтегративным)** потенциалом, чем вторая, которая однозначно перекликалась с центростремительным движением и укреплением государства.

Именно вопросы государственного строительства, улучшения внутреннего устройства государ-

ства собрали в проведенном опросе максимальное число голосов. 21.1% опрошенных поддержали в качестве основы сплочения россиян идею **создания демократического общества, в котором обеспечиваются все личностные права и свободы**. Еще 33.3%, как уже было отмечено, высказались в целом за **обеспечение справедливости и прав человека**. 33.0% заявили, что надеются на реализацию идеи **установления твердой власти и наведения порядка в стране**. И 39.4% (максимальное число голосов) видят основу для сплочения россиян в **борьбе за неукоснительное соблюдение законов**.

Таким образом, 7, 8, 10 и 17-е высказывания получили наивысший рейтинг в предложенном респондентам списке. Все они касаются сосредоточения на внутренних делах государства и наведения порядка в стране. Безусловно, каждый из респондентов вкладывал в эти высказывания свой особый смысл. Вместе с тем очевидно, что индивидуальные семантические поля каждого высказывания должны пересекаться, иначе люди вообще не могли бы понимать друг друга. В этой связи возможны и определенные выводы о том, что означают данные высказывания не в индивидуальном, а в массовом сознании.

Обычно для детальной проработки указанных смыслов необходим специальный психосемантический эксперимент. В рамках же данного исследования определение семантического поля каждой из наиболее перспективных идей, позволяющего понять, в каком контексте эти основные идеи рассматривались респондентами, и в связи с чем должны были бы реализовываться, можно осуществить путем расчета совокупной совместности называния включенных в анкету идей отдельными индивидами.

Для такого расчета отношение числа людей, выбравших конкретное высказывание, к общему числу опрошенных было принято за оценку вероятности появления каждого из высказываний в ответах респондентов. Отсюда при независимом выборе этих высказываний вероятность совместного появления двух высказываний в ответе равняется произведению вероятностей выбора каждого из рассматриваемой пары высказываний. Таким образом, в качестве меры случайности совместного выбора можно использовать разность величин эмпирически полученной вероятности и оценки ожидаемой вероятности совместного выбора. Знак и величина разности вероятностей показывают, идет ли речь о превышении эмпирически полученной частности над предположительно независимым выбором или, наоборот, следует говорить о нежелании респондента выбирать рассматриваемые высказывания совместно.

В ходе анализа рабочим значением порога, отделивающего неслучайно появившиеся совместно высказывания от статистически независимых высказываний, была принята величина указанной разности 0.015. Согласно этому критерию и была рассчитана совместность выбора идей. Проведенные расчеты показали, что идея сосредоточения на внутренних делах России достаточно часто совмещается с идеями сбережения ее самобытности, примата духовного развития над материальным накоплением и обеспечения справедливости и прав человека. Идея неукоснительного соблюдения законов – с идеей обеспечения справедливости и прав человека, а также превращения России в технологически высокоразвитую страну. Идея обеспечения справедливости и прав человека – с двумя указанными идеями и с идеей возвращения России лидирующих позиций на мировой арене. И, наконец, идея установления твердой власти совмещается с идеями превращения России в технологически высокоразвитую страну, создания благоприятных условий для развития всех народов и создания демократического общества.

Вместе с тем, никакой расчет семантических связей наиболее выбираемых идей не может отретушировать тот неутешительный факт, что ни одна из предложенных респондентам девятнадцати идей не была признана даже простым большинством опрошенных способной сплотить население России. Только четыре идеи вызывают в этой связи некоторый интерес, и то следует помнить, что каждая из них была выбрана всего лишь третью опрошенных.

В этой связи необходимо понять, могут ли (и если могут, то при каких условиях) данные четыре идеи претендовать на статус общенациональных.

Первое из этих условий – примерно равное разделение указанных идей всеми слоями общества, отсутствие узкогруппового характера их поддержки. Определиться с этим параметром легче всего. Результаты показывают, что в основных социально-демографических группах населения перечисленные идеи собирают примерно равное число убежденных в возможности сплочения россиян на этой основе. Так, например, 7-я идея получила в группе лиц с начальным образованием 30.8% голосов, с незаконченным средним – 33.2%, со средним образованием (школа или ПТУ) – 30.0%, со средним техническим образованием (техникум) – 34.6% и в группе лиц с высшим образованием – 39.8%.

Такие же, по существу, результаты получены во всех образовательных группах и относительно других идей. Аналогичная картина наблюдается и при распределении респондентов по полу, возрасту и социальному положению. Даже различия,

связанные с партийными предпочтениями людей, не столь велики, чтобы можно было говорить об узкогрупповом характере указанных идей. В частности, наиболее ярким различием, выявленным при анализе распределения по партийным предпочтениям, стала идея наведения порядка, собравшая в среднем 33.0% голосов опрошенных и получившая среди лиц, симпатизирующих коммунистам, 38.4% голосов, а среди симпатизирующих демократам – 22.9%.

Вторым условием является высокий мотивационный потенциал этих идей, позволяющий им побудить широкие массы населения РФ к их реализации или хотя бы вообще к любой созидательной деятельности. Иными словами, следует понять, являются ли выделенные 30–35% опрошенных, определивших данные идеи как объединяющие и сплачивающие, той критической массой, которая позволяет говорить, что эти идеи способны при нормальной “раскрутке” воодушевить нацию в целом.

Исходя из результатов опроса можно уверенно утверждать, что мнение респондентов об этих идеях не является случайным. Без учета тех, кто затруднился ответить, среднее количество идей, выбранных каждым респондентом, составляет 3.55. При этом математическое ожидание случайного выбора каждой из 19 предложенных альтернатив равняется 18.67%. Соответственно 30–35% респондентов, назвавших определенную идею в качестве способной консолидировать нацию, можно расценивать как далеко не случайный результат. Однако на этом опора на точные цифры заканчивается, и ответ на вопрос, способны ли указанные идеи стать общенациональными, может носить лишь экспертный характер.

В этой связи представляется очевидным, что идеи, собравшие всего 30–35% голосов и характеризующиеся к тому же высокой степенью декларативности, не могут сегодня получить статус общенациональных. В то же время они несомненно обладают определенным потенциалом для продвижения их с помощью средств массовой информации в сознание миллионов людей. От того, насколько удачно будет идти этот процесс, получивший название “раскрутки”, и зависит, сможет ли данная идея овладеть массами и побудить их к совместной деятельности по решению общенациональных задач и целей. Сегодня же выделенные четыре идеи, касающиеся сосредоточения на внутренних делах государства и наведения порядка в стране, являют собой не более, чем поле, на котором возможно достижение взаимопонимания тех, кто будет проводить какую-либо из них, и всего остального населения страны.

Безусловно, для того, чтобы какое-либо из приведенных высказываний начало обретать статус общенациональной идеи и было не просто ус-

лышано большинством людей, но и затронуло их мотивационную сферу, необходима серьезная работа по наполнению коротких положений, носящих, по существу, характер лозунгов, развернутым содержанием. Идеологическое обеспечение продвижения общенациональной идеи в массовое сознание предполагает кроме формулировки на достаточно обобщенном уровне самой идеи, еще и создание конкретных призывов и лозунгов, учитывающих интересы различных половозрастных и социальных слоев и групп, а также демонстрацию свершений и постановку индивидуальных задач. Все это вместе можно условно назвать Общим Делом. Так, к примеру, в 30-е гг., когда в качестве общенациональной “раскручивалась” идея вывода России в мировые индустриальные лидеры, был выработан ряд лозунгов и призывов: “Все на трактор!”, “Поддержим Осавиахим!”, “Наш ответ Чемберлену!” и др. Газеты ежемесячно публиковали рапорты о пуске домен, возведении корпусов заводов и перелетах через полюс, а каждый токарь или доярка знали, что требуется от них лично, чтоб “сказку сделать былью”.

Понятно, что любая политическая, да и не только политическая группировка, составляющая часть общенациональной элиты, способна разработать подобное информационное обеспечение для любой из указанных идей. Однако для того, чтобы данная идея овладела массами при 30–35% верящих в нее, энергии одной группировки может и не хватить. При отсутствии внешней угрозы усилия лидеров общественного мнения по проведению в массы общенациональной идеи должны быть достаточно велики, и для достижения необходимого уровня информационного воздействия элита должна консолидироваться.

Отсюда возникает *третье условие* превращения выделенных идей в общенациональные идеи – *желание элиты в целом “раскручивать” данные идеи, активно внедрять их в массовое сознание.* Это желание безусловно сопряжено с наличием у разных элитных группировок стремления объединиться хотя бы на пути к достижению указанной цели. К сожалению, наличие указанных стремлений, а тем более реальная возможность консолидации элиты, является темой другого исследования, далеко выходящего за рамки проведенного опроса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаев Р. Вам надо вернуться к своим корням, к своим истокам // Российская газета. 1996. 31 октября.
2. Алиев И. Евразийство как национальная идея: Россия может быть измерена только тюркским аршином // Независимая газета. 1998. 8 апреля.
3. Аяцков Д. Россия: свой собственный путь // Власть. 1997. № 7.

4. *Бабичев И.* Требуется корректировка партийного спектра // Независимая газета. 1998. 16 мая.
5. *Бабурин С.* Подлинное народовластие вместо "демократии" // Независимая газета. 1998. 16 апреля.
6. *Беляков А.* Экономике не подменить идеологией // Независимая газета. 1998. 18 апреля.
7. *Гершунский Б.С.* Философия образования для XXI века. М., 1997.
8. *Гульбинский Н.* Не списывайте социализм! // Литературная газета. 1996. 20 ноября.
9. *Загородников А.* Национальная идея и частные интересы // Независимая газета. 1996. 20 сентября.
10. *Кива А.* Какую Россию я знаю. И в какую верю // Российская газета. 1996. 24 октября.
11. *Кутковец Т., Клямкин И.* Постсоветский человек // Независимая газета. 1997. 16 января.
12. *Кутковец Т.И., Клямкин И.М.* Русские идеи // Полис. 1997. № 2.
13. *Лихонос Н.* Демократия – это закон // Российская газета. 1997. 30 января.
14. *Ментальность россиян* / Под ред. Дубова И.Г. М., 1997.
15. *Николаев А.* Общероссийская идея: необходимость и возможность // Независимая газета. 1998. 8 сентября.
16. *Печенев В.* Союз народов, а не "субъектов" // Российская газета. 1996. 17 октября.
17. *Российский менталитет* / Под ред. Абульхановой К.А., Брушлинского А.В., Воловиковой М.И. М., 1997.
18. *Россия в поисках идеи.* М., 1997.
19. *Рубцов А.* В ожидании идеи // Независимая газета. 1997. 4 ноября.
20. *Русская идея.* М., 1992.
21. *Советский простой человек* / Под ред. Левады Ю.А. М., 1993.
22. *Строев Е.* Главное – любовь к Отечеству // Российская газета. 1996. 26 октября.
23. *Тифлов П.* Дайте слово и "левым"! // Российская газета. 1996. 14 ноября.
24. *Троицкий Е.* Одно другим дополняется // Российская газета. 1997. 16 января.
25. *Чубайс И.* Российский идейный кризис в двух актах // Независимая газета. 1997. 9 октября.
26. *Festinger L.* A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, Cal., 1957.
27. *Fishbein M., Ajzen I.* Attitudes towards Objects as Predictors of Single and Multiple Behavioral Criteria // Psychological Review. 1974. V. 81. P. 59–74.
28. *Fishbein M., Ajzen I.* Attitudes and Voting Behavior // Progress in Applied Social Psychology // Ed. by Stephenson G.M., Davis J.M. London, 1981. V. 1. P. 253–313.
29. *Hendrick C., Hendrick S.S.* Liking, Loving, and Relating. Monterey, Cal., 1983.
30. *Hovland C.I., Rosenberg M.J.* Eds Attitude Organisation and Change. New Haven, 1960.
31. *Huges G.D., Ray M.L.* (Eds.) Byers/consumer Information Processing. Chapel Hill, 1974.
32. *Osgood S.E., Tannenbaum.* The Principle of Congruity in the Prediction of Attitude Change // Psychological Review. 1955. V. 62. P. 42–55.
33. *Seibold D., Roper R.E.* Psychological Determinants of Health Care Intentions / Ed. by Nimmo I.D. // Communication Yearbook 3, New Brunswick, 1979.

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ASPECT OF COMMON NATIONAL IDEA IN RUSSIA

I. G. Dubov*, T. B. Zatytkina**

*Cand. sci. (psychology), head of the lab. of social psychological problems of consciousness, PI RAE, Moscow

**Jun. res. ass. of the same institute

The results of discussion on the status of Russian common national idea and essential requirements to it are considered. The necessity of psychological interpretation of sociological examinations which reveal the specific character of Russian citizens' attitudes to different variants of this idea is emphasized. The results of representative all-Russian referendum of 1600 Ss from 31 subjects of Russian Federation are given. The list includes 19 formulations of common national ideas more often used in mass media. The psychological interpretation of the preferences of respondents revealed in examination was given. Three conditions of transformation of these ideas to common national idea accepted in public consciousness and motivated joint activity were formulated.

Key words: public opinion, common national idea, motivation, joint activity, mass consciousness, social influence, mentality.